

Л. В. Мельникова*

Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны

Балаклавский Георгиевский мужской монастырь занимает особое место среди русских православных обителей. Это один из самых древних монастырей России. В 1891 г. он торжественно отметил свое 1000-летие. С 1806 г. обитель стала «флотской», т. е. начала поставлять иеромонахов для Черноморского флота, а также для Крымских и Кавказских береговых укреплений. В годы Крымской войны Балаклавский монастырь, находившийся в 12 верстах от Севастополя, почти одновременно с началом осады города был оккупирован соединенными англо-французскими войсками. Судьба монастыря этого времени в историографии освещена довольно слабо. Дореволюционные исследователи (архимандрит Никон, В. Ф. Ливанов и др.) в немногочисленных очерках по истории обители затрагивали этот вопрос очень мало¹. В современной историографии отдельных аспектов проблемы касались В. В. Крестьянников и В. Г. Шавшин². В задачу данной статьи входит анализ событий, происходивших на территории Балаклавского Георгиевского монастыря во время его оккупации, а также рассказ об участии иеромонахов этой обители в Крымской войне.

Согласно преданию, Балаклавский Георгиевский монастырь был основан в 891 г. греческими купцами, едва не потерпевшими кораблекрушение в Черном море в районе мыса Фиолент. Во время разыгравшейся бури корабль несло прямо на скалы. Предчувствуя неизбежную гибель, греки обратились с молитвой к св. Георгию Победоносцу, и произошло чудо: буря прекратилась, а на большом камне, находившемся примерно в 10 саженьях от берега, купцы увидели в сиянии св. Георгия Победоносца. Когда явление исчезло, на этом камне греки нашли икону святого. Высадившись на берег,

* © Мельникова Л. В., 2011

Любовь Владимировна Мельникова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00532 а/П.

в благодарность чудотворцу напротив упомянутого камня они устроили пещерную церковь, куда поместили обретенную икону. Несколько наиболее набожных купцов остались жить при храме, что положило начало обители³. По другой версии, спасенные от кораблекрушения греки поместили чудотворную икону не в устроенную ими пещерную церковь, а в уже существовавший на берегу древний христианский пещерный храм⁴.

Никаких документов о первых годах и даже о первых веках существования монастыря не сохранилось. Первоначально он находился в ведении Константинопольского Патриархата, после присоединения Крыма к Российской империи (в 1783 г.) перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви. В 1794 г. обитель была подчинена Святейшему Синоду, ее стали официально именовать Балаклавским Георгиевским монастырем. Отмечу, что в 1778 г. при переселении из Крыма в Российскую империю христианского населения, спасавшегося от религиозных преследований со стороны крымских татар (по инициативе митрополита Готфрейско-Кефайского Игнатия (Хазадина) и с разрешения императрицы Екатерины II), вместе с другими греками переехали в Кальмиусский (с 24 марта 1780 г. Мариупольский) уезд Азовской губернии и монахи Георгиевского монастыря. При этом митрополит Игнатий взял с собой главную святыню обители — чудотворную икону св. Георгия Победоносца, обретенную в 891 г. Она была помещена в мариупольский Харлампиев собор, ставший для нее местом постоянного пребывания⁵. Исследователи предполагают, что тогда же в Константинополь был вывезен архив монастыря⁶. В отсутствие братии за монастырем присматривал монах-отшельник Каллиник, дождавшийся возрождения обители под управлением Святейшего Синода (он скончался в 1818 г. в возрасте 116 лет).

После присоединения Крыма к России близ древнего Херсонеса началось строительство главной базы российского Черноморского флота — Севастополя. 23 марта 1806 г. Святейший Синод обратился к императору Александру I с предложением сделать Балаклавский Георгиевский монастырь местом пребывания флотских иеромонахов. В тот же день указом Синода монастырь был отнесен к 3-му классу со штатом: настоятель, 4 иеромонаха и 13 иеромонахов для флота⁷. С ростом Черноморского флота увеличивалась и численность иеромонахов. 1 декабря 1834 г. Синод утвердил новые штаты духовенства монастыря, согласно которым обители было положено иметь настоятеля, 22 иеромонахов, 2 иеродиаконов и 2 послушников⁸. 30 мая 1839 г. в связи со строительством на восточном берегу Черного моря большого количества укреплений, Балаклавскому монастырю был определен «добавочный штат» — 12 человек⁹. Реальное число иеромонахов в монастыре, как правило, не достигало штатной численности, а колебалось от 18 до 21. Накануне Крымской войны в обители жили 25 человек, включая настоятеля митрополита Агафангела (Типальдо) и управляющего архимандрита Поликарпа¹⁰. Иеромонахи «флотского» монастыря несли послушание на кораблях, в гарнизонах Крыма и Кавказского побережья Черного моря, в том числе в крепостях Сухум-Кале и Геленджик, фортах Лазарева, Раевского и Вельяминовском, укреплениях Гагры, Пицунды и других¹¹.

В 1-й половине XIX в. были обновлены практически все постройки Балаклавского монастыря. На месте обветшавшей церкви вмч. Георгия (XV–XVI вв.) по проекту архитектора И. Домошникова в 1810–1816 гг. был построен новый одноименный храм. Инициатором строительства выступил обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын, пожертвовавший для этой цели значительную сумму. Смета на постройку составила 23 844 рубля 10 копеек. Как свидетельствует надпись на мемориальной доске, часть денег пожертвовали также адмирал Ф. Ф. Ушаков и иеромонах Анания¹². В 1844 г. в храме св. Георгия, согласно завещанию, А. Н. Голицын был похоронен.

Значительную роль в возрождении монастыря сыграл митрополит Агафангел (Типальдо), который в течение 30 лет (в 1824–1854 гг.) был настоятелем обители. Агафангел родился 23 января 1771 г. в Греции в дворянской семье, учился на острове Кефалония, в академии города Арготоліона. В 19 лет принял монашество. В 1804 г. был зачислен в штат Константинопольского Патриарха, возведен в сан архимандрита и направлен экзархом в Молдавию и Валахию. В 1808 г. Агафангел был рукоположен в сан митрополита Трипольского и направлен в Сирию, откуда был переведен на остров Корфу, затем на остров Кефалония. В 1824 г. он прибыл в Россию и принял предложение императора Александра I (с которым лично познакомился в 1822 г. в Венеции) возглавить Балаклавский Георгиевский монастырь. В 1835 г. митрополит стал российским подданным¹³.

Агафангел значительно перестроил обитель. Он устроил великолепные каменные контрфорсы, поддерживающие весь скат, на котором расположен монастырь. В 1838 г. попечением митрополита на месте старой трапезной по проекту архитектора И. Колодина была построена новая. В 30–40-х гг. XIX в. были возведены 2 каменных двухэтажных корпуса с балконами для братии, 2 каменных одноэтажных корпуса для помещения богомольцев; двухэтажная гостиница для паломников. В 1846 г. на средства купца И. Гущина был обустроен источник вмч. Георгия, издавна почитавшийся как чудотворный. В 1850 г. по проекту архитектора В. А. Рулева была построена каменная церковь в честь Воздвижения Креста Господня. Иконы для иконостаса этого храма написал академик Н. Алексеев, выполнявший мозаичные и живописные работы в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга. В планы митрополита Агафангела входило также строительство в Севастополе подворья Георгиевского монастыря¹⁴.

12 мая 1850 г. по ходатайству митрополита Агафангела и архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) Балаклавский Георгиевский монастырь был переведен в 1-й класс. В утвержденном императором Николаем I определении Синода по этому поводу в пользу данного предложения высказывались, в частности, следующие соображения: «Балаклавский монастырь, попечением митрополита Агафангела обновленный и украшенный, может сравниться ныне по благолепию и устройству своему с самыми благоустроенными монастырями России»; «значение монастыря сего в сравнении с другими отличается особенностью, ибо он должен постоянно снабжать монашествующими лицами для служения как весь Черноморский флот,

так и всю береговую Кавказскую линию»; «во всем Новороссийском крае нет ни одного первоклассного монастыря, и возведение Балаклавского монастыря в 1-й класс послужило бы как к утешению маститого старца митрополита Агафангела, деятельно трудившегося четверть века над его восстановлением, так и к удовольствию всех крымских греков, имеющих к сему монастырю особенное уважение». Наконец, обращалось внимание на то, что «с присвоением сему монастырю 1-го класса не потребуются нужды в возвышении оклада, ибо жалование монашествующим, употребляемым на Черноморском флоте и по береговой линии, производится из казны по особым штатам». Балаклавский Георгиевский монастырь был возведен в 1-й класс «без назначения ему положенного для первоклассных монастырей штатного содержания»¹⁵.

Еще в начале XIX в. Синод предписал, чтобы в Балаклавский монастырь для службы на флоте и в крепостях направлялись достойные иеромонахи, однако на деле так было не всегда. Большинство иеромонахов примерно выполняли свои обязанности, однако некоторые злоупотребляли спиртными напитками, проявляли грубость и строптивость. В октябре 1851 г. Святейший Синод предписал архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию «обратить особое внимание на состав монашествующих сего монастыря и принять все нужные меры к тому, чтобы в монастырь этот избираемы были монашествующие, отличающиеся нравственностью и [примерным] поведением»¹⁶. В результате проверки в 1852 г. из монастыря были высланы 2 иеромонаха и иеродиакон, а 5 человек отданы «под особый строгий надзор монастырского начальства» для наблюдения «за их образом мыслей и поведением» с целью определения, «могут ли они быть терпимы в составе монастырской братии»¹⁷.

В преддверии Крымской войны 31 декабря 1852 г. Синод издал указ «о благоустройстве Балаклавского Георгиевского монастыря и его монашествующих», которым архиепископу Иннокентию предоставлялось право «вызывать для служения в монастыре» монахов «из Киево-Печерской лавры, монастыря Задонского, Софрониевской, Глинской, Рыхловской и Святогорской пустынь». Еще раз подчеркивалось, что отбирать следует монахов «самых благонадежных». Кроме того, Иннокентию предписывалось «войти предварительно с начальством Черноморского флота в сношение о том, можно ли обеспечить содержание иеромонахов», а также «озаботиться удобным и приличным помещением» для вновь прибывших, приспособив для этого «дом для посетителей»¹⁸.

Во исполнение указа Синода в 1853 г. в Балаклавский Георгиевский монастырь прибыли для служения на Черноморском флоте 19 иеромонахов из Херсонской, Калужской, Воронежской, Харьковской, Курской и Киевской епархий. Однако в том же году по разным причинам 7 из них уехали из обители. В мае 1853 г. были сформированы и вышли в море 2 эскадры Черноморского флота, на которых находились 18 иеромонахов¹⁹.

В годы Крымской войны иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря принимали активное участие в военных действиях. Один из них,

Серафим, погиб в первые же дни войны, еще до подписания Высочайшего манифеста «О войне с Оттоманскою Портою», когда Турция, с 4 октября 1853 г. считавшая себя в состоянии войны с Россией, предприняла несколько военных нападений на российской границе. В ночь с 15 на 16 октября 1853 г. 5-тысячный турецкий отряд захватил слабо охранявшееся укрепление Св. Николая на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. Вместе с гарнизоном погиб и иеромонах Серафим. Его тело было осквернено: турки отрезали ему голову и, насадив ее на копье, «показывали турецкому толпищу»²⁰.

18 ноября 1853 г. несколько иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря приняли участие в Синопском сражении, в ходе которого эскадра под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова разгромила турецкую эскадру адмирала Осман-паши. 6 иеромонахов, находившихся на непосредственно участвовавших в сражении линейных кораблях, — Иоанникий (Ровинский) («Императрица Мария»), Кирилл (Векшин) («Париж»), Вениамин (Ершов) («Три святителя»), Иов (Сиволодский) («Великий князь Константин»), Никандр («Чесма») и Виссарион (Прядкин) («Ростислав») «за примерное благочестие и присутствие духа, с которыми во время боя ободряли раненых» 16 января 1854 г. были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте²¹, а также единовременной выплатой в размере годового оклада. Прочие иеромонахи, находившиеся на фрегатах «Кагул» и «Кулевчи», оставленных на внешнем рейде Синопской бухты для наблюдения за турецким флотом, и на 3 пароходофрегатах «Одесса», «Крым» и «Херсонес», подошедших к концу сражения, получили только денежную награду. По данным В. В. Крестьянникова, в обороне Севастополя приняли участие 17 иеромонахов этой обители, «участие еще пятерых под вопросом», отмечает исследователь²².

11 сентября 1854 г., в ходе принятия срочных мер по усилению обороны Севастополя, по решению Военного совета, собранного начальником штаба Черноморского флота вице-адмиралом В. А. Корниловым, для прикрытия города от десанта противника в фарватере Севастопольского рейда (у входа в Северную бухту) были затоплены 5 старых линейных кораблей («Три святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна» и «Силистрия») и 2 фрегата («Флора» и «Сизополь»), а остальные суда отведены во внутреннюю бухту. С них на берег были выгружены артиллерия и корабельные экипажи (около 18 тыс. человек), из которых сформированы 22 батальона, занявшие оборонительные сооружения, распределенные военным инженером Э. И. Тотлебенем по всему периметру Севастополя. В обязанности иеромонахов кораблей (как стоявших на рейде, так и затопленных) входило посещение бастионов, где находились их экипажи, освящение батарей, совершение богослужений и исполнение церковных треб. Многие иеромонахи помимо добросовестного исполнения своих обязанностей делали гораздо больше, чем им предписывалось — перевязывали раненых под неприятельским обстрелом, участвовали в вылазках, во время которых неоднократно воодушевляли солдат и матросов, вставая впереди с крестом в руках.

Благочинным духовенства Черноморского флота был игумен Балаклавского Георгиевского монастыря Георгий. Он последовательно служил на кораблях «12 апостолов» и «Великий князь Константин», входивших в состав эскадры вице-адмирала П. С. Нахимова. Любопытна характеристика, данная игумену Георгию настоятелем севастопольской Петропавловской церкви протоиереем Арсением Лебединцевым в письме архиепископу Иннокентию от 30 ноября 1854 г.: «Был у меня благочинный флотских монахов игумен Георгий. Я видел его в первый раз. Это почтеннейший старец, который одним видом своим внушает уважение»²³. Летом 1854 г., представляя игумена Георгия к награде, Нахимов отметил, что он с 15 мая 1853 г. «с примерным усердием» исправляет должность священника на его эскадре, при этом «своей попечительностью, безукоризненным поведением и нравственными советами приобрел общее на флоте уважение и способствовал к возбуждению воинственного духа чинов»²⁴. 3 июля 1854 г. Георгий был награжден золотым наперсным крестом, выдаваемым от Синода, а ровно через год «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий пожалован орденом Св. Анны 2-й степени²⁵.

Несомненным героем Севастопольской обороны стал иеромонах Балаклавского монастыря Иоанникий (Добротворский), состоявший при 44-м флотском батальоне (до этого находясь на фрегате «Кулевчи», 18 ноября 1853 г. он принял участие в Синопском сражении). В Севастополе иеромонах Иоанникий постоянно находился в траншеях, ежедневно обходил батареи. С разрешения контр-адмирала В. И. Истомина иеромонах неоднократно вызывал охотников на вылазку и вместе с ними был в неприятельском расположении. Особенно отличился Иоанникий в ночном деле со 2 на 3 марта 1855 г., когда, как говорилось в представлении главнокомандующего Южной армией и военными сухопутными и морскими силами в Крыму находящимся генерал-адъютанта князя М. Д. Горчакова, во время неприятельского обстрела был среди солдат «с крестом в руке, ободрял их своим примером, побуждая вслед за офицерами устремляться на неприятеля», утешал и укреплял раненых²⁶. В ту же ночь, обходя поле боя, чтобы причастить раненых, отец Иоанникий увидел среди трупов живого неприятельского офицера, которого взял в плен и сдал военному начальству²⁷. За это 18 августа 1855 г. Иоанникий был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте²⁸. 26 августа 1856 г. «за отличное усердие и ревность, оказанные при исполнении своих обязанностей во время обороны Севастополя» он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени²⁹.

Интересно заметить, что в начале обороны Севастополя Иоанникия (Добротворского) чуть было не выслали из города за злоупотребление спиртными напитками. Об этом поставил вопрос архиепископ Херсонский Иннокентий, однако последовавшие затем подвиги иеромонаха заставили архиерея передумать. 26 ноября 1854 г. протоиерей Арсений Лебединцев, пытаясь заступиться за Иоанникия, писал архиепископу: «Я... слышал об нем, что он очень любим командой, с которой всегда, даже у орудий, и ходил недавно на вылазку, рекомендуется адмиралом Истоминым и представлен к награде, кажет-

ся, к ордену... После сего, думаю, неудобно высылать его в Одессу»³⁰. 15 марта 1855 г. отец Арсений сообщил Иннокентию о новом «препятствии к удалению неблагонадежного Иоанникия»: «В ночь с 2 на 3 марта он опять был героем в деле, ходил с крестом впереди солдат и заставил броситься в штыки, когда они не решались на то, когда нужно; вместе с ними пошел и впотымах между неприятельскими трупами открыл одного врага — офицера живого, а только притворившегося, за что военным начальством рекомендуется с отличной стороны и представляется к награде»³¹. Сообщив в том же письме о подвиге «другого Иоанникия» (Савинова), совершенном в ночь с 10 на 11 марта 1855 г., а также напомнив о награждении Иоанникия (Ровинского) «Синопским крестом» (т. е. золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за Синопское сражение), Лебединцев заключил: «Сия троица имен³² не ходатайствует ли в пользу одного из них, житием иногда разнствовавшего? Говоря сие, я нисколько не защищаю нетрезвости в ком бы и где бы ни было, а осмеливаюсь только сказать свое мнение, что оказанные иеромонахом Иоанникием отличия в настоящее время выкупают его вину в ту же эпоху»³³. Отмечу, что, согласно документам Государственного архива города Севастополя, иеромонах Иоанникий (Добротворский) еще до войны был неоднократно замечен в нетрезвости. В ноябре 1845 г. он подвергся епитимии за оскорбление в пьяном виде семьи севастопольского купца 2-й гильдии И. Я. Гущина³⁴, а в июле 1852 г. в числе 5 иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря за тот же проступок был отдан «под особый строгий надзор монастырского начальства»³⁵.

Иеромонах Балаклавского монастыря Никандр, в январе 1854 г. награжденный золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отличие, оказанное во время Синопского сражения, с сентября 1854 г. по 21 августа 1855 г. находился в составе Севастопольского гарнизона. Экипаж линейного корабля «Чесма», на котором состоял иеромонах, расположился на 1-м и 2-м бастионах под Малаховым курганом. По свидетельству очевидцев, иеромонах Никандр «постоянно подавал пример самоотвержения»³⁶. Во время пребывания в Севастополе великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича Никандр по их желанию отправлял богослужение в церкви, специально устроенной для Их Высочеств на Северной стороне города, а также выполнял обязанности их духовника. По словам Арсения Лебединцева, который в свою очередь ссылается на свидетельство иеромонаха Вениамина (Ершова), Никандр, находясь на перевязочном пункте, «в первые дни прибытия в Севастополь Их Высочеств обратил на себя их внимание... Синопским знаком отличия»³⁷. (Интересно, что Вениамин в тот момент находился там же, «но без этого знака», ибо еще до оккупации Балаклавского Георгиевского монастыря «поспешил вместе с вещами отправить его» в обитель. Вероятно, из ревности Вениамин вскоре обратился к настоятелю монастыря архимандриту Геронтию с просьбой прислать ему его «Синопский крест». 12 марта 1855 г. иеромонах получил из монастыря свою награду и с тех пор носил ее на груди³⁸.) В подарок от великих князей Никандр получил крест, украшенный бриллиантами, на золотой цепочке. (Крест дан был ему именно

как подарок, а не как знак отличия³⁹.) 6 июня 1855 г. о. Никандр принял участие в отражении ожесточенного штурма Малахова кургана. 3 июля 1855 г. «в воздаяние самоотвержения» и «примерно-ревностного исполнения своих обязанностей» во время военных действий он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁴⁰.

Из иеромонахов Балаклавского монастыря — участников обороны Севастополя — следует упомянуть также Арсения (Тыднева) и Вениамина, называемого в Севастополе Святогорским, так как он прибыл туда из Святогорского монастыря. Оба они были очень усердны в исполнении своих обязанностей. Арсений, находясь на Корниловском бастионе, 2 февраля 1855 г. получил ранение в голову, приведшее к потере левого глаза⁴¹. Вениамин, по словам участника событий журналиста и переводчика Н. В. Берга, «ходил по бастионам с каким-то увлечением. Во всю осаду исповедовал и приобщил с лишком 11 тысяч человек»⁴². 18 августа 1855 г. за отличия, оказанные во время военных действий, оба иеромонаха были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте⁴³.

Рассмотрим также события, происходившие во время Крымской войны непосредственно на территории Балаклавского Георгиевского монастыря. В декабре 1853 г. митрополит Агафангел обратился в Синод с просьбой об увольнении его от управления Георгиевским монастырем на покой «с дозволением иметь пребывание в г. Севастополе и обеспечить его содержание». Причина просьбы объяснялась тем, что «при 82-летней старости и видимом оскудении сил он лишается возможности исполнять долее обязанности свои по службе»⁴⁴. Представив просьбу Агафангела на рассмотрение императора Николая I, Синод выступил также с ходатайством о производстве митрополиту в дополнение к получаемой им прежде пенсии — 1143 рубля 60 копеек серебром в год — еще 856 рублей 40 копеек из сумм Святейшего Синода (всего 2 тыс. рублей серебром) — «в воздаяние долговременной отлично-ревностной и полезной службы его Церкви и Престолу», а также «для преподавания ему способов к безбедному вне службы содержанию». 12 декабря 1853 г. император удовлетворил просьбу Агафангела и ходатайство Синода⁴⁵. В 1854 г., сдав дела новому настоятелю архимандриту Геронтию (Артюховскому), Агафангел переехал в Севастополь.

В исторической литературе, как правило, утверждается, что, перестав управлять Балаклавским монастырем, Агафангел сразу же покинул Россию⁴⁶. Однако это не верно. В 1854–1855 гг. митрополит находился в осажденном Севастополе. 16 июля 1855 г. по ходатайству главнокомандующего Южной армией и военными сухопутными и морскими силами в Крыму находящимся генерал-адъютанта князя М. Д. Горчакова ему была пожалована панagia с алмазами за то, что, «находясь в Севастополе в продолжение осады его неприятелем, непрестанно напутствовал воинов молитвою и благословением пастырским на священный подвиг защиты Отечества»⁴⁷. В 1856 г. Агафангел был награжден серебряной медалью в память защиты Севастополя⁴⁸. В феврале 1856 г. митрополит обратился к императору Александру II с просьбой разрешить ему переселиться в Афины «с сохранением Высочайше дарован-

ной пенсии». При этом Агафангел отметил, что одним из самых усердных его желаний было «последние дни жизни своей окончить в Иерусалиме», но, поскольку «в настоящее военное время не может сие исполниться», то он «желал бы иметь дозволение переселиться в Афины, где климат и попечение родного брата могли бы поддерживать» его «в глубокой старости». 3 марта 1856 г. прошение митрополита было удовлетворено⁴⁹. После окончания Крымской войны Агафангел переехал в Иерусалим. Интересно заметить, что в ноябре 1854 г. по некоторым городам Крымского полуострова распространился непонятно откуда взявшийся слух о смерти митрополита Агафангела. Передавались даже несуществующие подробности его похорон. Так, например, 25 ноября 1854 г. симферопольский протоиерей Михаил Родионов писал архиепископу Иннокентию: «В Севастополе умер митрополит Агафангел. Слухи же из Севастополя таковы: начальство наше просило у неприятелей дозволения о погребении митрополита по его желанию в Георгиевском монастыре в усыпальнице, которую старец уготовил для себя под устроенною им новою церковью; но неприятели не дозволили того, а дали позволение погребсти на общем кладбище, но было ли погребение или нет, неизвестно»⁵⁰. Отвечая на соответствующий запрос архиепископа Иннокентия, севастопольский протоиерей Арсений Лебединцев в письме от 14 декабря 1854 г. опроверг эту информацию: «Старец митрополит жив и здоров по-старчески. Не было у нас и повода к слуху о его смерти»⁵¹.

Англо-французские войска высадились в Крыму 2 сентября 1854 г. 13 сентября началась героическая 349-дневная оборона Севастополя. 14 сентября неприятель захватил Балаклаву. В тот же день (в праздник Воздвижения Креста Господня) части англо-французских войск заняли Балаклавский Георгиевский монастырь. В течение полутора лет, до 21 марта 1856 г., обитель была оккупирована неприятелем. Все это время в ней оставались настоятель архимандрит Геронтий, наместник игумен Арсений (Мокренский) и несколько монашествующих: иеромонахи Венедикт (Мухин), Михаил (Слонницкий), Пахомий (Афанасьев), Полихроний (Алексеев) и монахи Иосиф и Дамаскин⁵².

Отмечу, что эхо войны докатилось до Георгиевского монастыря за 4 месяца до высадки союзных войск на Крымском полуострове. 7 мая 1854 г. по приказу главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму адмирала князя А. С. Меншикова в обители был произведен обыск. В шпионаже в пользу Англии подозревался живший на территории монастыря отставной поручик Александр Будон (Будон). Оставшись в детстве сиротой, Будон был воспитанником генерала от кавалерии графа И. О. де Витта, который в 1840 г., согласно завещанию, был похоронен на территории Георгиевского монастыря. Выйдя в отставку, Будон с разрешения настоятеля поселился в обители, самостоятельно построив себе келью. Последняя, по словам очевидцев, «была изукрашена зеркальными окнами и дверями, уставлена цветами и представляла собой волшебную игрушку артиста»⁵³. Вместе с Будоном проживал некий мещанин из Полтавской губернии. Подробности обыска, проведенного по приказу Меншикова двумя офицерами (полковником

из свиты князя и жандармским капитаном), приведены присутствовавшим при этом архимандритом Геронтием в письме от 13 мая 1854 г. архиепископу Иннокентию. По словам настоятеля, Будон держался спокойно и с достоинством. Он ответил на все предложенные ему вопросы (цель своего проживания в монастыре определил как «спасение души»), предъявил паспорта (свой и своего приятеля). Пригласив представителей власти в свою келью, Будон зажег лампаду перед образом Божией Матери, помолился, затем отпер комод, открыл все ящики. Никаких доказательств предполагаемого шпионажа обнаружено не было, однако жандармский капитан посоветовал ему «на это смутное время лучше пожить в городе и тем успокоить других». Отставной поручик согласился. Эта фраза, а также слова Геронтия, обращенные к Иннокентию («думаю, теперь на его счет успокоятся»), свидетельствуют о том, что о Будоне действительно велись всевозможные разговоры⁵⁴.

В сентябре 1854 г., войдя в монастырь, части англо-французских войск заняли под жилье и госпиталь все гостиницы и один из братских корпусов. В обители они также устроили телеграфную станцию для связи с Варной, Синопом, Евпаторией и главным штабом союзного командования. Непрошенные гости не причинили никакого вреда ни монахам, ни святыням монастыря. Более того, по приказу главнокомандующего французской армией маршала А. Сент-Арно 15 солдат были назначены для охраны обители. Стража поддерживала строгий порядок на территории монастыря и присматривала за морским побережьем. На воротах у спуска к морю появилась надпись: «Il est defendu de descendre au bord de la mer» («Спускаться на берег моря запрещено» — *франц.*). Ни один монах во время оккупации монастыря не был выпущен за пределы обители. Турок в монастырь не пускали. Исключение сделали лишь однажды для главнокомандующего турецкой армией Омер-паши, изъявившего желание осмотреть иконы в иконостасе Крестовоздвиженской церкви. При этом французы впустили его в храм только после того, как он и находившиеся при нем офицеры (после долгих пререканий) сняли со своих голов турецкие чалмы.

Богослужение в храмах монастыря отправлялось ежедневно. Регулярно читалась и молитва «о победе на супостаты». Французы и англичане нередко посещали службу, некоторые становились на колени и горячо молились, особенно перед сражением и после него. Посещали монастырские храмы и военачальники союзных армий: генералы лорд Ф. Раглан, Ф. Канробер, маршалы А. Сент-Арно, Ж.-Ж. Пелисье и др. При совершении богослужения строго соблюдалось благочиние. Нарушители спокойствия подвергались наказанию — содержанию на гауптвахте на хлебе и воде. Дореволюционный исследователь Ф. В. Ливанов справедливо назвал Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны «сосредоточием молитв всех наций»⁵⁵. Представители противоборствующих сторон обращались с молитвой к Иисусу Христу, прося его каждый о *своей* победе... По поводу противников России Ливанов замечает: «Странное понятие о христианстве людей, называющихся образованными! В Георгиевском христианском храме французы и англичане (называющиеся, как известно, христианами) молятся» о даровании победы «за-

клятым врагам христианства туркам»⁵⁶. При чтении молитвы «о победе на супостаты» некоторые иностранцы, понимая смысл, выходили из храма.

Заявляя Георгиевский монастырь, французы и англичане заявили, что покупают весь монастырский скот, птицу и запас муки. Братии не хотелось продавать свое добро, однако их согласия никто не спрашивал. В дальнейшем монахам пришлось покупать продукты у оккупантов. По свидетельству о. Афанасия, который при приближении неприятельского флота вопреки воле архимандрита Геронтия покинул монастырь, а после войны вернулся в обитель и слышал о происходившем там от братии, французы назначили «неслыханные цены» («фунт чая стоил 5 руб[лей], сахар рубль, сальная свеча 25 коп[еек], белый хлеб 30 коп[еек]»), так что «деньги, полученные от неприятелей, возвратились к ним быстро, и братия спрашивала себя со страхом, чем придется жить»⁵⁷. Отец Афанасий утверждает, что после жалобы архимандрита Геронтия маршалу Пелисье на происходившие злоупотребления французы стали поставлять монахам провизию бесплатно⁵⁸. Однако последнее показание расходится с приводимыми историком В. Г. Шавшиным документами из Государственного архива Севастополя, согласно которым продукты покупались монахами регулярно (как правило, первого числа каждого месяца). Приобретались сахар, куры, лимоны, уксус, вино, ром, свечи и др.⁵⁹

По свидетельству того же о. Афанасия, монахи ненавидели стоявших в обители англичан, а французов, несмотря ни на что, любили. Этому способствовали веселый нрав французских солдат и в целом весьма доброжелательное отношение к инокам. Время от времени французы приглашали монахов к себе на обед. «За обедом пели песни, шутили и бранили англичан, в чем наши им усердно помогали»⁶⁰. Хорошие отношения не испортились даже после того, как монахов угостили... жареной кошкой. Неприятный инцидент был обращен в шутку. Вот как рассказывает об этом о. Афанасий: «Раз подали жаркое, очень искусно приготовленное. (В Георгиевском монастыре было разрешено употребление мяса, так как в обители жили флотские иеромонахи, а на море не было возможности соблюдать пост.— Л. М.) Хозяева (французы.— Л. М.) видели с удовольствием, как гости (монахи.— Л. М.) едят его аппетитно и спрашивали: “Est-il bon, le roti?” (Вкусное жаркое? — *франц.*). Монахи кивали головами, повторяя: “Бон! Бон!” Когда же наелись досыта, французы объявили, что угощение состояло из жареной кошки, в доказательство показали отрубленные голову и лапы животного, и хохотали до слез, когда монахи стали отплевываться»⁶¹. «Но французская веселость,— отмечает о. Афанасий,— мгновенно пропадала при малейшей неудаче. Братия, не зная ничего о своих, выводили безошибочные заключения из настроения духа своих приятелей-врагов, и при виде угрюмых их лиц шептали благодарственные молитвы и крестились»⁶².

Первоначально всякое сообщение русских с монастырем прекратилось. 30 декабря 1854 г. архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий сообщал в Синод: «Георгиевский Балаклавский монастырь, в коем помещаются иеромонахи для флота и Кавказа, еще с 14 сентября занят неприятелем и доселе находится в его руках. Все меры, употребленные мною чрез Севастопольское

духовное и гражданское начальство для узнания, что происходит в этом монастыре с настоятелем его, архимандритом Геронтием, и небольшим числом там оставшейся братии, доселе не оказали никакого действия. Слышно только, что якобы в сем монастыре помещается штаб французской армии, а также и лазарет для важнейших лиц, что во время бури 2 ноября одна из церквей монастырских пала, но какая — новая или старая — неизвестно, и что, наконец, притеснений жителям монастыря со стороны неприятеля не причиняется, кроме сильного недостатка в продовольствии и тому подобное»⁶³. Иннокентий добавлял также, что «поскольку при таком положении дела находящиеся в Севастополе флотские иеромонахи оставались без начальнического надзора», то он направил с этой целью из Корсунского монастыря наместника, архимандрита Митрофана, который в середине ноября прибыл в Севастополь и «вступил в свою должность»⁶⁴.

В декабре 1854 — январе 1855 г. связь с монастырем была восстановлена. Сделало это русское командование, к которому с соответствующей просьбой по совету архиепископа Иннокентия обратился протоиерей Арсений Лебединцев. 17 декабря 1854 г. через секретаря адмирала князя А. С. Меншикова действительного статского советника Комовского о. Арсений направил архимандриту Геронтию короткое письмо следующего содержания: «Христиански совоздыхаем вам, свободы чающе вам, братии и св. обители. Отвечайте по крайней мере: 1) все ли вы живы и здоровы? 2) не имеете ли каких крайних нужд, коим, если будет это возможно, я имею от Преосвященного поручение помочь? 3) совершается ли у вас богослужение? Утешай нас с вами Бог!»⁶⁵. 11 января 1855 г., не дождавшись ответа на свое письмо, Лебединцев написал еще одно, которое отправил через генерала графа Д. Е. Остен-Сакена, вызвавшегося помочь в этом деле⁶⁶. Через 8 дней о. Арсений получил ответ от архимандрита Геронтия (датированный 14 января 1855 г.). Это письмо, а также еще несколько последующих посланий настоятеля Балаклавского монастыря, адресованных протоиерею Лебединцеву и архиепископу Иннокентию, хранятся в Отделе рукописей РНБ⁶⁷.

Прежде всего архимандрит Геронтий ответил на поставленные перед ним вопросы: «Мы все, слава Богу, живы и здоровы, кроме эконома монастыря иеромонаха Августина, который умер 22 сентября. Нужд, по особенной милости и благоснисхождению к обители нашей господина главнокомандующего французскими войсками, не имеем. Богослужение у нас совершается ежедневно»⁶⁸. Затем подробно сообщил об ущербе, нанесенном обители упомянутой выше бурей: «Наш монастырь много пострадал 2 ноября от чрезвычайной бури. Церковь Георгиевскую слишком много повредила и чуть ли не до основания, и теперь у нас отправляется богослужение в маленькой церкви Димитриевской; Лазаревский дом (находившуюся на территории монастыря дачу адмирала М. П. Лазарева. — *Л. М.*) разрушила почти до основания; два новых корпуса раскрыла, и хотя после поправили, но при малейшем дожде бывает течь сильная в кельях, а третий, что близ новых корпусов, почти разрушила; много деревьев повредила, а несколько совсем уничтожила; церковь Воздвиженскую наверху раскрыла и часть ограды чугунной изломала;

гостиницы тоже все раскрыла и сараи повредила. Вот теперь какой наш монастырь!»⁶⁹ (Буря, разыгравшаяся на Черном море 2 ноября 1854 г., уничтожила несколько военных кораблей противника.) В заключение настоятель добавил: «У нас оказывается недостаток в восковых свечах для церкви — этого нам не могут доставить, потому что подобного рода свечей у них нет, нельзя ли будет Вам прислать для монастыря хоть фунтов 15 мелких свечей? Еще хотел бы попросить Вас прислать фунта два чаю (кофе не могу пить), да не знаю — можно ли и удобно ли это сделать?»⁷⁰.

Просьбу настоятеля Лебединцев выполнил через того же Остен-Сакена. Генерал обещал отправить «всякую посылку, какого бы весу она ни была»⁷¹. По словам Лебединцева, придя к Остен-Сакену с письмом и посылкой, он узнал, что тот «писал генералу Канроберу и благодарил его за уважение к святой обители и внимание к живущим в ней»⁷². В дальнейшем связь с обителью также осуществлялась через него. 24 января 1855 г. Геронтий написал о. Арсению: «Спаси Вас Господи: посланное Вами мы получили исправно. И теперь мы все необходимое имеем»⁷³. Сочувствие монахам и желание помочь им в их бедственном положении проявили и находившиеся в Севастополе великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич. 13 февраля 1855 г., сообщая архиепископу Иннокентию о налаженном сообщении с монастырем, протоиерей Лебединцев заметил: «Их Высочества, узнав только от иеромонаха Никандра о возникшей с монастырем переписке и в чем именно там нуждаются, изъявили желание послать еще 5 фунтов чаю и также чрез меня. Я отвечал отцу Никандру, что прямее будет отослать чай прямо к Сакену, чтобы мне не беспокоить его частым посещением, что, кажется, и сделано»⁷⁴.

Подробности смерти эконома монастыря иеромонаха Августина сообщены в воспоминаниях о. Афанасия. Правда, Афанасий, видимо по ошибке, называет его Иннокентием. Воспоминания монаха были записаны через 25 лет после происходивших событий, поэтому он вполне мог что-то перепутать. По его словам, эконом монастыря, взяв у французов пропуск, отправился в Балаклаву, чтобы получить причитавшиеся обители деньги за проданные скот и муку. Однако в неприятельском лагере один солдат бросился на него со шпагой. «Старик побледнел, — рассказывает Афанасий, — и зашатался на ногах; другой солдат успел удержать вовремя руку своего товарища, и эконом показал пропуск, на котором была обозначена цель его посещения. Получив деньги, он возвратился в монастырь, но испуг подействовал на него разрушительно. К вечеру бедняк слег, и несколько дней спустя его отнесли на кладбище»⁷⁵.

В письме архиепископу Иннокентию от 24 августа 1855 г. архимандрит Геронтий также подтвердил, что «все, слава Богу, живы и здоровы и все идет пока по-прежнему». Настоятель жаловался на отрезанность монастыря от внешнего мира: «Мы ничего не видим и не слышим»⁷⁶. «Одно обстоятельство меня затрудняет, — подчеркивал он. — В феврале месяце нас известили, что государь император наш Николай скончался, но мы, не имея ничего формального об этом из Севастополя, доселе продолжаем молиться по-прежнему»⁷⁷.

Впрочем, через протоиерея Лебединцева определенные сведения, в том числе и о находившихся в Севастополе иеромонахах Георгиевского монастыря, в обитель поступали. Время от времени о. Арсений и архимандрит Геронтий обменивались посылками. Как упоминалось выше, в марте 1855 г. Геронтий передал в Севастополь для иеромонаха Вениамина (Ершова) золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, полученный последним за Синопское сражение. 24 марта 1855 г., за 3 дня до праздника Святой Пасхи, Лебединцев послал в монастырь для пленной братии «артос, пасху и 2 десятка красных яиц»⁷⁸.

Во время оккупации монастыря англичане и французы вырубали принадлежавший обители лес, уничтожили виноградный и фруктовый сады. После заключения мира в качестве компенсации отдали монастырю «несколько деревянных барачков и 20 заморенных лошадей»⁷⁹. Перед уходом из Крыма они вывезли с мыса Фиолент оставшиеся там памятники античности, а из обители прихватили несколько наиболее древних икон. Одна из них — во имя святых Симеона Персидского, Анастасии Узорешительницы и вмц. Параскевы — вернулась в обитель через 12 лет. Сначала она оказалась в Англии, затем во Франции, позднее в Германии. Наконец, в 1868 г. полковник Н. Н. Толстой приобрел ее в лавке в Висбадене, привез в Петербург и передал императрице Марии Александровне, которая вернула образ монастырю⁸⁰.

26 августа 1856 г. настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря архимандрит Геронтий был награжден орденом Св. Анны 2-й степени⁸¹. Иеромонахи монастыря, принимавшие участие в защите Севастополя, вскоре после войны были награждены серебряными медалями «За защиту Севастополя», бронзовыми медалями «В память войны 1853–1856 гг.», а также бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте «В память войны 1853–1856 гг.». Последние 2 награды получили и монахи, находившиеся в оккупированном монастыре. 25 января 1857 г. в обители получили указ Херсонской духовной консистории об объявлении братии Балаклавского монастыря «за отличную ревностную службу» благословения Святейшего Синода⁸².

По условиям Парижского мирного договора России было запрещено иметь военный флот на Черном море и крепости на побережье. Это неизбежно сказалось на Балаклавском Георгиевском монастыре. По штатам 1856 г. обители было положено иметь 12 иеромонахов, в 1860 г. там реально находилось всего 6 человек. Возрождение монастыря началось в конце 80-х гг. XIX в.⁸³

Судьба Балаклавского Георгиевского монастыря в 1854–1856 гг., без сомнения, добавляет некоторые штрихи к военно-бытовой истории Крымской войны. Происходившее в обители в определенной степени характеризует не только русское православное духовенство, которое в условиях оккупации ежедневно возносило молитвы о победе русского оружия, но также представителей противоборствующей стороны. Следует отметить, что за время после войны 1812 г. духовно-религиозный облик французской армии некоторым образом изменился. Французские солдаты в массовом порядке не грабили и не оскверняли православные святыни, как это было во время Отечественной войны 1812 г.⁸⁴ Напротив, относились к ним с большим уважением, час-

то посещали службы. Конечно, не все в союзной армии было так однозначно. Имели место и такие факты, как бомбардировка соединенным англо-французским флотом Одессы накануне Пасхи, в день Великой Субботы (10 апреля 1854 г.), обстрел англичанами Соловецкого монастыря (6–7 июля 1854 г.), иногда на захваченной территории происходило разграбление и даже осквернение церквей. И тем не менее религиозная составляющая занимала значительное место в армиях всех участников этого грандиозного военного противостояния, начавшегося в том числе и по церковно-политическим причинам⁸⁵.

Что касается иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря, находившихся в годы войны на передовой, то они, так же как и священнослужители военного ведомства в целом, несомненно, были важной и неотъемлемой частью российской армии и флота. Являясь духовно-нравственной основой Российской империи, Русская Православная Церковь играла важную роль в формировании ее государственных и военных институтов. Православная вера не только санкционировала правомерность применения вооруженной силы для защиты Отечества, но и определяла нормы поведения и духовный облик российского воинства. Духовно стабилизируя каждого солдата и армию в целом, Церковь являлась важнейшей составляющей «человеческого фактора» победы и национальной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь. Описан настоятелем монастыря архимандритом Никоном. Чернигов, 1862; «Георгиевский монастырь» в Крыму (что близ Севастополя и Балаклавы): Историческое описание составлено и издано для путешественников Ф. В. Ливановым. М., 1874.
- ² *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: Взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь, 2006. С. 18–23; *он же.* Роль митрополита Агафангела (Тибальдо) в возрождении Балаклавского Георгиевского монастыря // Там же. С. 23–28; *Шавшин В. Г.* Балаклава. Исторические очерки. Симферополь, 2004.
- ³ Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь... С. 7–8.
- ⁴ «Георгиевский монастырь» в Крыму... С. 14.
- ⁵ Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь... С. 8; «Георгиевский монастырь» в Крыму... С. 14–15. С 1970 г. икона находится в Украинском музее изобразительных искусств в Киеве.
- ⁶ Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь... С. 10; *Шавшин В. Г.* Указ. соч. С. 59.
- ⁷ *Кочетов Д. Б.* Балаклавский во имя великомученика Георгия Победоносца мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 280–281.
- ⁸ *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне... С. 18.
- ⁹ Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (далее – ПСЗ-II). Т. 14. СПб., 1840. № 12389.
- ¹⁰ *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне... С. 18.
- ¹¹ *Кочетов Д. Б.* Указ. соч.

- ¹² Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь... С. 12; *Шавшин В. Г.* Указ. соч. С. 61.
- ¹³ *Крестьянников В. В.* Роль митрополита Агафангела (Тибальдо)... С. 23–24.
- ¹⁴ Там же. С. 25–26; Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь... С. 13–15.
- ¹⁵ ПСЗ-П. Т. 25. СПб., 1851. № 24152.
- ¹⁶ Цит. по: *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне... С. 19.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 20.
- ²⁰ После смерти Серафима круглыми сиротами остались трое его сыновей, рожденных еще до принятия им монашества, в 1853 г. они обучались в духовных училищах. По ходатайству обер-священника армии и флота В. И. Кутневича в сентябре 1854 г. им было выдано единовременное пособие в размере годового жалования их отца — 285 рублей 90 копеек серебром (Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 797, оп. 97, д. 410, л. 235–236).
- ²¹ Там же, ф. 796, оп. 135, д. 8, л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.
- ²² *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне... С. 21. Отмечу, что в число 17 иеромонахов Крестьянников включил также Георгиевского кавалера иеромонаха Иоанникия (Савинова), который не был насельником Балаклавского монастыря, а являлся иеромонахом Бахчисарайского Успенского скита, военным пастырем он стал во время Крымской войны, оказавшись в числе духовных лиц Крымских скитов, откомандированных в ноябре 1854 г. архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием для заботы о раненых как на фронте, так и в госпиталях (РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 30–30 об.). Эта мера была вызвана нехваткой в Крыму военного духовенства для окормления солдат и матросов.
- ²³ Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к Преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время одиннадцатимесячной осады Севастополя. Киев, 1896. С. 44.
- ²⁴ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 410, л. 176–177.
- ²⁵ Там же, оп. 25, д. 238, отд. 2, ст. 2, л. 25 об.; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА), ф. 9196, оп. 11/270, св. 3, д. 15, л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.
- ²⁶ РГИА, ф. 797, оп. 25, д. 238, отд. 2, ст. 2, л. 6–6 об.
- ²⁷ История флотского духовенства. М., 1993. С. 56.
- ²⁸ РГИА, ф. 797, оп. 25, д. 238, отд. 2, ст. 2, л. 31; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.
- ²⁹ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.
- ³⁰ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 41.
- ³¹ Там же. С. 87.
- ³² Поскольку в Севастополе оказались 3 иеромонаха с именем Иннокентий, для различия им были «присвоены» номера. Иоанникия (Добротворского) называли Иоанникием Первым, Иоанникия (Ровинского) — Вторым, а Иоанникия (Савинова) — Третьим или Младшим.
- ³³ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 87.
- ³⁴ Государственный архив города Севастополя (далее — ГА ГС), ф. Р–567, оп. 6, д. 94, л. 61. За возможность использовать материалы ГА ГС приношу глубокую благодарность историку и издателю К. Г. Капкову, любезно предоставившему мне копии документов.
- ³⁵ Там же, л. 63.
- ³⁶ Там же, л. 98, 107–108.

- ³⁷ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 74.
- ³⁸ Там же. С. 74, 89.
- ³⁹ *Лебединцев А. Г., прот.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908. С. 25.
- ⁴⁰ РГИА, ф. 797, оп. 25, д. 238, отд. 2, ст. 2, л. 27; РГВИА, ф. 9196, оп. 11/270, св. 3, д. 15, л. 4; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.
- ⁴¹ ГА ГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 94, л. 7; *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне... С. 21.
- ⁴² *Берг Н. В.* Записки об осаде Севастополя. Т. 1. М., 1858. С. 87.
- ⁴³ РГИА, ф. 797, оп. 25, д. 238, отд. 2, ст. 2, л. 31 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 72.
- ⁴⁴ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 409, л. 357.
- ⁴⁵ Там же, л. 357–358.
- ⁴⁶ Архимандрит Никон пишет: «В 1854 г. Агафангел удалился на покой в Иерусалим с пенсионом» (Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь... С. 15). В. В. Крестьянников отмечает: «В марте 1854 г... митрополит Агафангел сдал монастырь архимандриту Геронтию и покинул Севастополь. К сожалению, не удалось установить, когда и где [он] умер» (*Крестьянников В. В.* Роль митрополита Агафангела (Тибальдо)... С. 27).
- ⁴⁷ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 411, л. 148–149; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 69. К тому времени митрополит Агафангел уже имел алмазный крест для ношения на клобуке, панагию, украшенную драгоценными камнями, российские ордена Св. Владимира 2-й степени и Св. Анны 1-й степени, а также греческий орден Спасителя 2-й степени Большого Командорского креста. Панагия, украшенная алмазами, «по бывшим прежде примерам» была пожалована ему «вторично» (РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 411, л. 148–149).
- ⁴⁸ Там же, д. 594, л. 9.
- ⁴⁹ Там же, д. 412, л. 49.
- ⁵⁰ ОР РНБ, ф. 313, ед. хр. 44, л. 152.
- ⁵¹ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 50.
- ⁵² *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне... С. 20–21.
- ⁵³ Цит. по: *Шавшин В. Г.* Указ. соч. С. 67.
- ⁵⁴ ОР РНБ, ф. 313, ед. хр. 36, л. 89–90.
- ⁵⁵ «Георгиевский монастырь» в Крыму... С. 20.
- ⁵⁶ Там же. С. 21–22.
- ⁵⁷ Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854–1855 годов (Рассказ 5. Георгиевский монастырь). Сообщила Т. Толычева // *Русский вестник*. 1880. Т. 149. № 9. С. 202–203.
- ⁵⁸ Там же. С. 203.
- ⁵⁹ *Шавшин В. Г.* Указ. соч. С. 68.
- ⁶⁰ Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей... С. 204.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ РГИА, ф. 796, оп. 136, д. 37, л. 1–1 об.
- ⁶⁴ Там же, л. 1 об.— 2.
- ⁶⁵ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 53–54.
- ⁶⁶ Там же. С. 62.
- ⁶⁷ Первое письмо протоиерея Лебединцева, отправленное 17 декабря 1854 г. через секретариат князя А. С. Меншикова, архимандрит Геронтий получил, однако ответ его по каким-то причинам до о. Арсения не дошел. В письме от 14 января 1855 г. Геронтий отмечает: «На первое письмо Ваше я отвечал Вам 22 декабря, а на второе отвечаю [сейчас] и передаю Вам то же самое, что было сказано в первом» (ОР РНБ, ф. 313, ед. хр. 36, л. 507).

- ⁶⁸ Там же, л. 507–507 об.
- ⁶⁹ Там же, л. 507 об.— 508.
- ⁷⁰ Там же, л. 508 об.
- ⁷¹ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 65.
- ⁷² *Лебединцев А. Г., прот.* Указ. соч. С. 8.
- ⁷³ ОР РНБ, ф. 313, ед. хр. 36, л. 492.
- ⁷⁴ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 73–74.
- ⁷⁵ Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей... С. 202.
- ⁷⁶ ОР РНБ, ф. 313, ед. хр. 44, л. 449.
- ⁷⁷ Там же, л. 449 об.
- ⁷⁸ *Лебединцев А. Г., прот.* Указ. соч. С. 25.
- ⁷⁹ Балаклавский Георгиевский первоклассный монастырь... С. 21; Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 184.
- ⁸⁰ *Шавшин В. Г.* Указ. соч. С. 69–70.
- ⁸¹ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 99.
- ⁸² *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне... С. 22.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* Армия и православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.
- ⁸⁵ Подробнее об этом см.: *Мельникова Л. В.* Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 61–75.